

Илья Кабанов

ДОРОГИЕ РОССИЯНЕ

Рассказы

Илья Кабанов

Дорогие россияне. Рассказы

«Издательские решения»

2015

Кабанов И.

Дорогие россияне. Рассказы / И. Кабанов — «Издательские решения», 2015

«Дорогие россияне» – это сборник коротких рассказов Ильи Кабанова о стране и живущих здесь людях. Старики и дети, таксисты и бортпроводницы, прохожие и путешественники стали героями этих миниатюр.

Содержание

Пара слов об этой книжке	6
На барсука	7
Покинутая земля	9
Шесть дней в Далмации	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Дорогие россияне
Рассказы
Илья Сергеевич Кабанов

© Илья Сергеевич Кабанов, 2015

© Алексей Бархатов, иллюстрации, 2015

Редактор Виталий Сероклинов

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Пара слов об этой книжке

«Дорогие россияне» – это сборник коротких рассказов, опубликованных в разное время в моем одноименном текстовом блоге.

Дизайнер Александр Смирнов предложил издать заметки отдельной книжкой и сверстал отличный макет для нее. По техническим причинам готовый макет пришлось отложить до лучших времен, но на сайте www.be.net/printgrids можно ознакомиться с ним.

Писатель Виталий Николаевич Сероклинов согласился прочитать черновики и превратить их в нечто более адекватное. Всему лучшему в этих текстах мы обязаны Виталию Николаевичу, а все ошибки остаются на моей совести.

Замечательный художник Алексей Бархатов нарисовал трогательные иллюстрации к каждому рассказу.

Моя любимая супруга Настя Парфенова вдохновляла и продолжает вдохновлять меня.

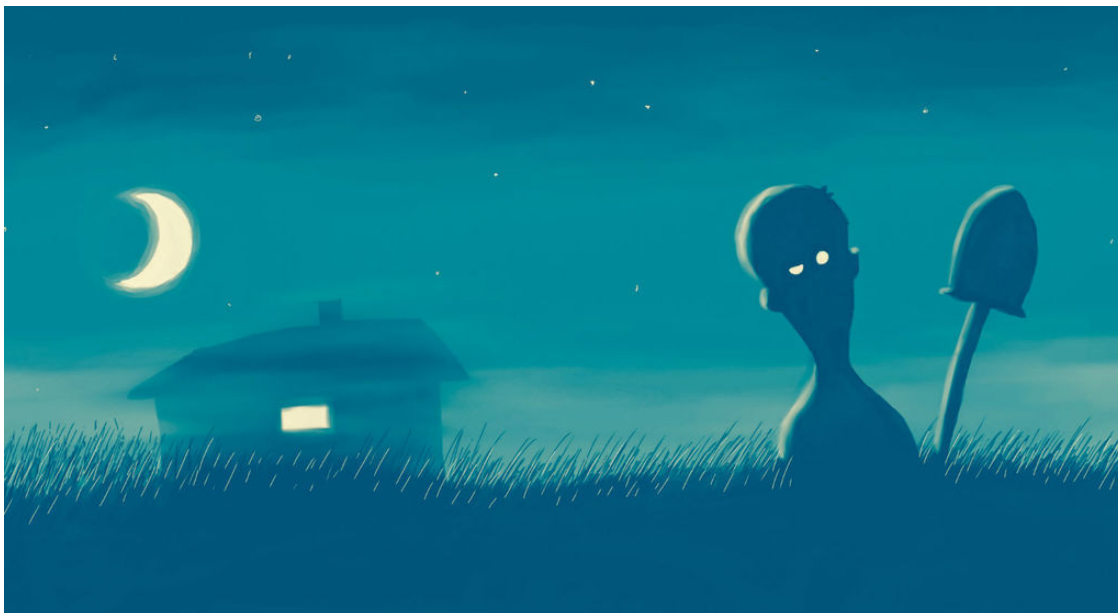
Эту книжку я посвящаю родителям, бабушкам и дедушкам, которые терпели меня и прощали мне слишком многое.

Илья Кабанов, 2014 год.

dearrussians.ru

metkere.com

На барсука

Однажды мы с дедом пошли охотиться на барсука... Эта фраза звучит как начало хорошей истории, но в действительности это был финал хорошей истории, а началась она совсем иначе.

Однажды мы с дедом поехали на пасеку. Дед был пчеловодом. Ну, то есть, он был человеком разнообразных интересов и талантов, среди которых, к примеру, было собирание автомобилей из выброшенных запчастей. Так он собрал сначала «Шкоду», с кузовом скорой помощи, а потом и двадцать четвертую «Волгу». Он, наверное, собирал бы машины из мусора и дальше, но бабушка запретила ему эту прихоть, заявив однажды, что хочет впервые в жизни поехать на нормальном автомобиле. Так в семье появилась новенькая темно-синяя «шестерка» (дед говорил, что во всем Черепаново есть только две «шестерки» такого цвета; с хозяином второй они уважительно здоровались при редких встречах).

На этих темно-синих «Жигулях» мы с дедом и поехали на пасеку. Это была не первая пасека, которую я посетил, так что пчеловодческий быт оказался мне знаком и близок. Мы проверяли ульи, откачивали мед, дед с парой других стариков обсуждали погоду и ее влияние на пчелиную производительность труда, а я внимательно слушал и время от времени многозначительно сплевывал, подражая мужикам-курильщикам.

Ближе к вечеру, когда все эти хлопоты завершились, а пчелы вернулись в ульи и заснули, мои старики сели у костра и начали рассказывать истории о фронтовом детстве, сдабривая их изрядным количеством водочки и нехитрой закуской. Ближе к полуночи истории закончились, а водка еще оставалась, тут-то самый старый мужичок, опытный пасечник Федотыч, и услышал шорох на соседнем поле.

Я не знаю, как этот сухой подвыпивший старик расслышал звуки на пшеничном поле, до которого было метров сто пятьдесят, а то и двести. Скорее всего, он ничего не слышал, а просто сконструировал себе реальность, но тогда никто такими вопросами не озаботился. Все просто поверили в шорохи и почему-то сразу решили, что издает их именно барсука.

Подступивший было сон потерял актуальность, пьяненькие пенсионеры вскочили на ноги и принялись обсуждать план захвата барсука. Ведущую роль в этом плане отвели дерзкой, но трусливой дворянке, охранявшей пасеку неизвестно от кого. Дворянке предстояло высле-

доть барсука на поле и загнать его в засаду, где его поджидали бы старички во главе с опытным Федотычем.

Уже через пару минут плану суждено было измениться. Дворняга трусливо побежала в противоположную сторону от пшеничного поля, после чего пожилые выпивохи решили, что загонять барсука в засаду должен растерянный школьник Илюха. Результат был предсказуем: школьник и вооруженные лопатами старики-разбойники минут десять бегали по полю с истошными криками, забыв, где потенциальный охотничий трофей, а где засада.

Так мы с дедом ходили на барсука.

Покинутая земля

Когда дед предложил съездить с ним в Тверскую область, чтобы побывать на могиле его отца, моего прадеда, я, конечно, согласился. С одной стороны, я хотел отдать дань памяти предку, с другой – меня всегда привлекали места, в которых раньше бывать не доводилось. Но, как это часто бывает, поездка, задумывавшаяся едва ли не туристической, превратилась в экскурс не только в географию, но и историю страны.

В Тверской области меня, выросшего в тепличных условиях большого города, поразили не столько красота пейзажей, сколько удивительные особенности быта и жизни, увиденные во время путешествия. Например, на вокзале в городке Нелидово – райцентре, в центральной гостинице которого мы с дедушкой остановились – не было компьютера, и кассиры оформляли билеты вручную, так, как это делали, наверное, в позапрошлом веке.

Процесс выглядел следующим образом: тетечка-кассир на станции Нелидово звонила в Великие Луки, диктовала паспортные данные пассажира, уточняла наличие мест, получала номера билетов и еще какие-то данные, потом вписывала все это от руки в бланки, которые и выдавала затем людям. Таким образом, оформление одного билета занимало от десяти до сорока минут, в зависимости от дальности поездки, срока бронирования, направления и расторопности отдельно взятой тетечки.

На этом чудеса не закончились. Проезжая через речку Вазузу, где за неделю до нашего приезда сошел с рельсов поезд, перевозивший цистерны с мазутом, я увидел мужиков, собирающих разлитое топливо в мешки. Удивительная технология! Тогда я понял, что правду говорят про то, будто ликвидация последствий займет месяц – ведь мазута много, а мужиков и мешков мало.

Вообще, страна, в которой в начале XXI века ездят на телегах и пашню обрабатывают лошадкой, запряженной в плуг, вызывает уважение к живущим в ней людям.

Жители в Тверской области, к слову, все как один были исключительно любезны и приятны в общении. Столько хороших людей, пожалуй, я еще никогда не встречал. Нам с дедом помогали все – и вполне официальные чиновники, и простые люди. Военком Нелидовского района весь день носился с нами, организовывая встречу, транспорт и обед, а случайные про-

хожие не только показывали нам путь, но и провожали до ближайшего перекрестка, рассказывая между делом совершенно фантастические истории...

- А вода в речке почему такая черная?
- Да никто не знает.
- Может, из-за мазута?
- Нет, она уже давно такая.
- Неужели дно какое-то особенное?
- Нормальное дно, что вы... Карасики вон плавают...

Такое меланхоличное отношение ко всему очень характерно для жителей этих краев. Они всегда готовы поддержать беседу, но не рассчитывайте, что разговор получится содержательным.

Таковой была, например, полуторачасовая беседа с похмельным «водителем телеги» Лешей, отвозившим нас на своей выдавшей лучшие времена кобыле за пятнадцать километров на погост. Он проводил нас в такие места, куда кроме как на телеге не доберешься. Поля, речки, овраги – и никаких дорог. Становится очень одиноко, когда смотришь на бесконечный одинаково зеленый пейзаж – и понимаешь, что на десятки километров вокруг едва ли найдется еще дюжина человек кроме тебя самого.

Особенно сильно начинаешь чувствовать безграничное одиночество, находясь на пустыре, где еще лет двадцать назад стояла деревенька. И таких мест действительно много. Если в родной Новосибирской области деревня хоть как-то живет, жители ее покидают неохотно, а молодые люди, бывает, даже возвращаются, получив высшее образование, то в центре России деревня, судя по всему, умерла давным-давно.

Двадцатипятилетний Леша вспоминал, что когда он был совсем маленьким, то уже тогда во многих селах жило не больше десятка семей. Куда делись остальные жители – одному богу известно.

– В этих деревнях уже лет двадцать никто-о-о не живет, – рассказывал Леша, забавно растягивая слова.

- А почему уехали?
- Кто как. Одни в город подались, другие в столицу или в Ленинград уехали.
- А почему же не оставались в деревне?
- Так здесь же рабо-о-отать надо. Вставать в пять утра, за живностью ухаживать, в поле

уходить.

- И что, все такие ленивые, что работать не хотят?
- Не ленивые. Просто сил уже не осталось у людей.

За такими разговорами мы добрались до пункта назначения – заброшенной деревни Липенское. В деревне осталось всего два дома: в одном жил одинокий ветеран, во втором – семейная пара, к которой изредка приезжали дети и внуки. Продукты (товар, как тут говорят) в деревню привозил на телеге отец Леша, получающий за это семьсот пятьдесят рублей в месяц в райсобесе.

Деревню, которую, кажется, покинули не только жители, но и сама жизнь, находится на подступах к Европе – отсюда триста километров до Москвы, шестьсот километров до Риги и триста пятьдесят – до белорусской границы. И всего сотня метров до братского захоронения советских воинов, погибших, защищая эти места в 1942 году.

Так я увидел могилу своего прадеда. Увидел три общих могилы, с памятником, венками и списками захороненных солдат. И в этих списках – прадед. Мы подошли к погосту, помянули, помолчали. Потом налетел ветер.

Тишина и полное безветрие – и вдруг начинается ураган, пригибающий деревья к земле и срывающий шапку.

Второй раз такой ветер начал дуть, когда мы зашли в один из двух оставшихся в деревне домов. Там до сих пор живет фронтовик со своей женой, очевидцы тех страшных боев. Старик служил в одной дивизии с прадедом, в полку, стоявшем чуть поодаль отсюда; за стаканом вина он рассказал, как его родная земля была пропитана кровью, как местная речушка переполнилась трупами советских и немецких солдат.

Дед читал письма, в которых сослуживцы его отца описывали события тех дней, а старик все курил и часто-часто моргал. Слез у него давно не осталось, поэтому все, что он мог – это кивать и кряхтеть. Мол, не врут, всё так и было.

Всё так и было.

Шесть дней в Далмации

I

Ничего не понимаю. Я совершенно ничего не понимаю. Не могу понять, что я здесь делаю. Не знаю, куда себя деть. Я всем мешаю и, вероятно, со стороны напоминаю напуганного утенка. Я не разбираюсь в окружающих меня штуковинах и в их странных названиях. Стаксель?.. Уверен, это столярный инструмент. Слово «грот» напоминает о крепком алкоголе, а «шкот» звучит как оскорбление.

Я нахожусь на побережье Хорватии, в Далмации, где на борту яхты *Luka X* мне предстоит провести шесть дней. Веры в благополучный исход предприятия уже не осталось.

II

Интересно, что означает буква «X» в названии нашей лодки. Порядковый номер? Секретный код? Тонкий намек на страну пребывания? Скорее всего, это первая буква в слове «херовый» – именно таким матросом я оказался.

III

У меня все болит. Болят пальцы рук, да и сами руки, скажем прямо, болят. Ноги покрыты синяками, о которых можно написать эротический роман «Пятьдесят оттенков сизого». Болит поясница – передвигаться я теперь могу чрезвычайно медленно, согнувшись, к тому же – в три погибели. Даже зуб заболел зачем-то.

Очевидно, о дальнейшем участии в регате придется забыть. Меня спишут на берег, где я, скорее всего, сопьюсь, заведу немного попугая и сгину в полнейшем забвении. Моя команда продолжит гонку без меня, наверняка победит, и никто сначала даже не заметит моего отсутствия. Потом, вероятно, кто-нибудь вспомнит, что этот долговязый неуклюжий дрищ с испуганными глазами в какой-то момент перестал путаться под ногами, но никого не будет заботить то, куда он делся и был ли вообще.

Я рисую себе этот печальный финал, одной рукой поддерживая больную челюсть, другой прихватив стонущую поясницу.

IV

Чтобы побороть хворь, я отправился на поиски аптеки в городке Водице, в марине которого мы остановились переночевать. Аптека нашлась довольно быстро, правда, пришлось подождать минут двадцать, пока столетний старик обсудит с очаровательной аптекаршей свою обширную историю болезни.

К слову, об аптекарше. Она была удивительно красива. Высокая загорелая брюнетка с тонкими чертами лица и хитрым взглядом. Невероятно красивая хорватка, что, вообще говоря, большая редкость – если мужчины в Хорватии все сплошь средиземноморские аполлоны, то женщины обычно напоминают старуху Шапокляк. Но мне повезло – в аптеке Водице в тот день работала самая красивая хорватка.

Эта мисс Далмация внимательно выслушала мои жалобы на поясницу, зубы и суставы, после чего посоветовала самое сильное, по ее словам, обезболивающее. «Из ит стронг?» – уточнил я. Начнет действовать через пять минут, пообещала хорватская Афродита.

И не обманула – следующие несколько дней я функционировал исключительно благодаря ее таблеткам. Кажется, под их действием я даже начал лучше выполнять свои обязанности на палубе.

Хотя, возможно, так на меня подействовала ее красота.

V

Моя бесполезность и никчемность медленно меня убивает. Я пытаюсь отличиться, отважно выполняя команды шкипера, но каждый раз то веревка вылетит из рук, то, по недомыслию, я путаю правый борт с левым. На месте капитана я давно отправил бы себя на корм рыбам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.